

ГРАЖДАНИН, ПАТРИОТ

Окончание записок В. Н. Ансенова о его встречах с Александром Алексеевичем Остужевым. Начало см. в № 128 от 27 октября

ОСТУЖЕВ придавал совершенно особое значение голосу драматического актера и его правильной, четкой дикции. Он говорил, что голос для актера то же, что для пианиста руки. С плохим и неподвижным голосом нечего и думать о сцене. Из-за увеличивающейся с годами глухоты Остужеву приходилось выучивать наизусть не только свою роль, но и всю пьесу. На сцене он постоянно жил двойной жизнью: жизнью образа и жизнью поэта, в творческом мире которого живут все образы спектакля. Остужев был артистом потрясающих вдохновений и абсолютной художественной чистоты и чистоты. Он физически не мог выйти на сцену, не будучи психологически собранным, не слившись до конца со сценическим образом. И в этом проявлялось не только его мастерство, но и его человеческая сущность. Он никогда не кривил душой, никогда, даже в шутку, не говорил неправду. И товарищи уважали и любили его за эту непреклонность и прямоту.

Некоторые актеры считали, что, чрезмерно ясно и выразительно выговаривая слова, он часто сбивался на «декламацию». Но они забывали, во-первых, о его физическом недостатке, порождавшем несколько подчеркнутую артикуляцию, во-вторых, о традиционном в Малом театре требовании ясной и выразительной сценической речи. Кроме того, и самый голос Остужева, звучавший, как симфоническая поэма, мог производить такое впечатление. Тот, кому посчастливилось играть с Остужевым, никогда не может согласиться с таким неверным и легковесным суждением.

Сценический гений Остужева был овеян неумирающей славой лучших и высочайших качеств советского мастера: человеческой скромности, взыскательности к себе и героического, упорного труда. Он никогда не занимался педагогической деятельностью, но то, что он передавал молодежи в случайных беседах, то, что наглядно демонстрировал своим несравненным искусством, стоило целого курса театрального института и многих лет практической работы на сцене. С Остужевым закончилась прославленная династия романтических ак-

теров Малого театра, ведущая свою родословную от Мочалова, Ленского, Ермоловой, Горева, Южина... И актеры более позднего поколения обязаны сохранить эту линию театра, ибо это был романтизм, зовущий людей к самоотверженной любви к родине, к выполнению гражданского долга, к справедливости и свободе, к светлому и счастливому будущему народа.

В НАЧАЛЕ Великой Отечественной войны мне разрешили организовать фронтовую концертную бригаду артистов академических театров. Остужев, всегда очень внимательно выслушивавший наши рассказы о поездках на фронт, в конце концов заявил о своем непреклонном решении ехать с нами. Он сказал: «Тот, кто не может с винтовкой в руках защищать свою Родину, обязан служить тому, кто ее защищает!».

Это был трудный выезд в направлении Торопца. Стоял февраль сорок третьего года. Выехав поездом из Москвы в конце дня, мы только поздно вечером добрались до Калинин, где провели бессонную ночь в комнате военного коменданта на станции. Остужев больше всего заботился о том, чтобы на него не обращали внимания и — боже избави! — как-нибудь не выделяли среди других товарищей по бригаде. Всю ночь он сидел на табуретке, облокотившись на стол, добросовестно повторяя отрывок из «Войны и мира», который ему предстояло читать в концертах...

По приезде в ДК Калининского фронта, после телефонных переговоров с Военным советом фронта нас отпразднили на концерты в «хозяйство» нашего земляка, Михаила Михайловича Громова. Перед первым концертом Остужев очень волновался, я видел, как за импровизированными кулисами он несколько раз прикладывался к своему пузырьку с нитроглицерином. В избушке, условно называвшейся клубом, сидели командующий со своим штабом и офицеры Управления армии. При появлении Остужева генерал, а за ним и все встали и стоя приветствовали артиста. Когда концерт кончился, товарищ Громов подошел к нам и, пожимая руку Остужеву, сказал: «Вот за такое искусство мы боремся и побеждаем».

Я смотрел на Остужева. Он светился каким-то непостижимым счастьем. Он, который так опасался, что мы можем оказаться ненужными, лишними в череде грандиозных событий, совершающихся на фронте, убедился воочию, что нас ждали, что искусство наше помогает воинам.

Мы выступали ежедневно, по несколько раз — в полуразбитых избах, на грузовиках, на полянках, в широких блиндажах, где зрительным залом служили ходы сообщения. Везде

нас встречали с поразительной теплотой, и с каждым днем росло стремление выступать чаще и лучше. Всюду встречались мы с москвичами, которые знали многих из нас и не уставали радоваться неожиданной встрече с Остужевым — народным артистом Советского Союза, приехавшим на передовую линию фронта.

Когда мы возвращались в Москву, Остужев очень обиделся на меня за то, что я достал для него специальную легковую машину: «Я боялся сажать его в самолет, в котором мы улетали: вдруг не выдержит сердце!.. Но он категорически заявил: «Всеволод! Ты наш начальник, и я обязан тебе подчиняться. Но если ты приказываешь (на фронте он полюбил военные формулировки) не сажать меня в самолет, я пойду до Москвы пешком!.. Рано утром, за час до отлета, я еще раз спросил Остужева, как он решил? За ночь он несколько отошел и ответил мне лаконично, но без всякой обиды: «Машина — хорошо, самолет — великолепно!..». Я посоветовался с товарищами, и мы решили лететь все вместе. Александр Алексеевич очень обрадовался и весь долгий путь в самолете не переставал восторгаться полетом. Уже около Москвы я напомнил ему о мучивших его раньше сомнениях, и он очень серьезно ответил: «Я никогда еще в жизни не испытывал такого счастья. Я получил такое полное удовлетворение, ради которого стоит работать и жить». А немного погодя добавил: «Я очень прошу считать меня постоянным членом твоей бригады».

ЛЕТОМ того же года под Спасо-Демянском наша армия готовила большой прорыв. Мы выехали в автобусе на Малоярославец. Было тепло и солнечно. Малоярославец в те дни жил сравнительно спокойно: не было слышно ни канонады, ни прерывистого отвратительного гула «мессершмидтов». Остужев уже не чувствовал себя «новичком» и быстро приспособился к прифронтовой обстановке...

Утром мы выехали на передовую линию. И вот после очередного концерта, во время которого нам приходилось кричать во весь голос из-за неугомонного грохота артиллерии, мы издали увидели атаку пехоты. В полукилометре от нас бойцы поднялись из окопов и с оглушающим криком «ура!» побежали вперед. В дыму и пыли почти ничего не было видно, грохот танков, разрывы снарядов и непрерывная пушечная стрельба сливались в единый чудовищный гул. Это было начало прорыва германского фронта на Спасо-Демянском участке... Сопровождавший нас офицер остановил машину и предложил нам всем залечь у дороги. Остужев схватил меня за руку и, стиснув ее до боли, прокричал мне в самое ухо: «Я слышу! Я слышу наше «ура!».